

Герт В.А.

Екатеринбург

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА В РАЗВИТИИ СУБЪЕКТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Ключевые слова: субъект-объектный анализ деятельности, «доминантность на другого» как мера отношения к природе, введение и выведение содержания деятельности, цикл деятельностного сбывания человека, индивидуальное бытие человека как со-бытие.

Аннотация. Логика развития онтологии деятельностного подхода в отечественной философии и психологии осуществлялась в направлении преобразовательной субъектности человека. Экзистенциальная перспектива обоснования деятельностного подхода позволяет концепциям А.Н. Леонтьева, Э.В. Ильенкова, Г.С. Батищева, С.Л. Рубинштейна обрести новые импульсы развития в направлении целостности и субъектности индивидуального бытия человека как со-бытия. При этом обвинения в адрес деятельностного подхода, которые обобщили В.А. Лекторский и В.П. Зинченко в 2001 году, во многом преодолеваются.

Gert V.A.

Yekaterinburg

EXISTENTIAL PERSPECTIVE OF ACTIVITY APPROACH IN DEVELOPING PERSONAL SUBJECTIVITY

Key words: subject-object analysis of an activity, «dominance onto an opponent» as a degree of the attitude to the nature, introduction and deduction of the notion of an action, a circle personal self-realization, individual existence as his co-existence.

The summary. The logic of developing ontology of activity approach in native philosophy and psychology was carried out in the direction of converting personal subjectivity. The existential prospect of grounding of activity approach allows A.N. Leontyev, E.V. Ilyenkov, G.S. Batishchev, S.L. Rubenstein's concepts to get new impulses of development in the direction of integrity and subjectivity of individual existence as co-existence. Thus accusations of activity approach which were generalized by V.A. Lektorsky and V.P. Zinchenko in 2001 have been overcome in many respects.

Аналогично движению как способу существования материи деятельность предстает способом существования человека. Не оспаривая данного положения, среди исследователей деятельности человека оформились разные позиции, даже произошло некоторое размежевание исследований по этим позициям, а также

наметилось некоторое подведение итогов дискуссий. Характерно появление в 1990 г. работы «Деятельность: теория, методология, проблемы», оформленной по структуре логики дискуссии, где каждый ее участник смог три раза представить свои соображения и возражения оппонентам. В.А. Лекторский, оценивая итоги дискус-

сии философов и психологов на страницах данной книги, приходит к выводу о том, что появление такой работы «знаменует достижение некоего нового рубежа» в обсуждении деятельностного подхода. По его инициативе еще раз обсуждение деятельностного подхода состоялось в 2001 г. на страницах журнала «Вопросы философии». За прошедшие 90-е гг. происходило переосмысление состояния гуманитарного знания и против деятельностного подхода было выдвинуто несколько обвинений, которые в журнале «Вопросы философии» в обобщенном виде представил В.А. Лекторский.

Во-первых, в противовес «теории отражения» и концепции «социализации» в советском марксизме, деятельностный подход не отрицает идеи К. Маркса о предметном удвоении человека в преобразовательной деятельности и поэтому считался «вынужденной формой приспособления к официальной идеологии».

Во-вторых, проблемы феноменологии, герменевтики, постмодернизма, религиозной философии отличаются от интерпретаций с позиций деятельностного подхода, и тогда делается вывод о том, что «деятельностный подход предполагает очень узкое понимание философии».

В-третьих, современная цивилизация весьма опасается насильственной переделки природной среды и считается опасной для существования общества «сама установка на проектирование и конструирование» [1: 57–58].

Он считает: «...уподобление внутренних психических процессов трансформированным внешним действиям представляется большим упрощением» [Там же: 60] «Действия, включенные в взаимодействие с другим человеком, не является теми же, что действия по производству предмета или по изменению объ-

ективной ситуации» [Там же: 61]. И в конце своей статьи он задает вопрос: «Какой должна быть исходная модель деятельностной теории?» [Там же: 65].

Собственно претензии к «приспособлению», «узости», «упрощению», «насильственным» преобразованиям можно рассматривать не только как пороки деятельностного подхода, но и как логику этапов его становления и поиска самодостаточной теоретической модели.

Доминирующей логикой деятельностного подхода являлась логика субъект-объектного анализа. Признанными и оригинальными работами в этой логике являются исследования Э.В. Ильенкова и А.Н. Леонтьева. В основе их деятельностного подхода находится фундаментальная и обоснованная идея К. Маркса об изменении мира деятельным человеком как предметным существом. Именно в изменении и преобразовании мира человеком он усматривал главную особенность деятельности человека.

В ранних философских текстах у К. Маркса позиция по этой особенности деятельностного существования человека обозначена недвусмысленно: «...именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается *его* (человека) производением и его действительностью. Предмет труда есть поэтому *опредмечивание родовой жизни человека*: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире» [2: 566].

Акцент на предметном преобразовании природы характерен для взгляда Э.В. Ильенкова и А.Н. Леонтьева. В дея-

тельности человека общие законы *изменения* природы выявляются как общие законы *развития* самой природы. «Всеобщие законы изменения природы человеком – это и есть всеобщие законы природы, в согласии с которыми человек только и может успешно ее изменять» [3: 228]. Становление природы человеком не только выражает, но и подчеркивает сущностный уровень субъектности человека. Вне изменения природы субъектность человека не может ни проявиться, ни сформироваться, но выявление общих законов природы и усвоение их как воспроизводство субъектности – это, по-видимому, не одно и то же. «Отдельный индивид всеобщие нормы человеческой деятельности в одиночку не вырабатывает и не может выработать, какой бы силой он не обладал, а усваивает их готовыми в ходе своего приобщения к культуре вместе с языком и выраженными в нем знаниями» [Там же: 227]. Действительно, усвоение отдельным человеком уже выработанных общих законов изменения природы в деятельности возможно, а вот их выработка в процессе изменения природы дело не отдельного индивида.

В.П. Зинченко отмечает одну из причин такой ситуации: «Ведь в школе Леонтьева, в том числе и в его собственных исследованиях, действительным предметом было действие, а не деятельность» [4: 71].

Г.С. Батищев в логике субъектно-объектного анализа деятельности человека увидел не только возведение ее в некую абсолютную субстанцию, что неявно содержит в себе в качестве предпосылки антропоцентризм, но и утверждение логики развития органических систем. В сравнении деятельности с органической системой он увидел многие недостатки и ограничения в развитии человека и общества. Он пишет: «...именно как единственная органическая система деятельность не

терпит ничего такого, что не поддавалось бы снятию и обращению в «недостающие ей органы», в нечто служебное и подчиненное ее собственному системообразующему началу. Здесь возможно развитие через повышение организации того же самого начала, но невозможно принятие инородного начала на паритетных, равных условиях, следовательно, невозможно и *совершенствование*, требующее преодоление самого себя ради чего-то более совершенного. Деятельность как органическая система своемерна, то есть свое развитие она допускает как укрепление и обогащение себя и как торжество над снятым ею инородным содержанием, вобранным и ассимилированным ею в себе. Она накладывается на мир «заранее установленный масштаб» [5: 31]. Г.С. Батищев также отмечает неспособность деятельности к совершенствованию, к саморазвитию, причем видит причину этой неспособности в механизме снятия и подчинения деятельностью снятого содержания, что порождает доминирование своемерия человека, которое не будет удовлетворено, пока не подчинит себе весь мир.

Снятие в органической системе с целью создания «недостающих ей органов» уничтожает в деятельности человека ценностные мотивации и возможности адекватного решения предметных задач «без всякого заранее установленного, своемерного заинтересованно-корыстного, потребностного *мерила*» [Там же: 174]. Предлагается логика глубинного общения, когда наличие как минимум двух субъектов при решении предметных задач нарушает своемерие каждого из субъектов, поскольку они не поддаются редукции друг к другу, так как возникает не просто органическая, а гармоническая система. Онтология глубинного общения «обращает нас к логике встречи между субъектами и вза-

имной сопричастности при соблюдении каждым *доминантности на другого*, особенно при резкой контрастности типов и уровней культур» [Там же: 323].

Эти идеи перекликаются с другим фундаментальным положением в философии К. Маркса. Размышляя над вопросами – насколько природа стала человеческой сущностью человека, в какой мере потребность человека стала человеческой потребностью, – он пришел к такому ответу: «...в какой мере *другой* человек в качестве человека стал для него потребностью, в такой мере сам он, в своем индивидуальнейшем бытии, является вместе с тем общественным существом» [2: 587]. Мысль о потребности в другом человеке высказывается в разных вариантах, и на нее обращали внимания многие исследователи. Но для нас важно подчеркнуть только то, что потребность в другом человеке или «доминантность на другого» выражает *меру* человеческого отношения к природе и вместе с тем меру социальности отдельного человека, его индивидуального бытия. И, хотя обозначенные главы по исследованию общения и потребности в общении остались у К. Маркса не реализованными, вряд ли кто-то сможет усомниться в реализации формулы – отношение человека к природе опосредовано отношениями между людьми – во всем последующем его творчестве.

В.П. Зинченко, оценивая исследования по деятельностному подходу в психологии, вполне обосновано заявляет: «Психологическое содержание деятельности не извлекалось из нее, а искусственно вводилось. Например, деятельность плюс мотив (А.Н. Леонтьев); деятельность плюс потребность – нужда (В.В. Давыдов); деятельность плюс мышление – итог – осмысленная деятельность (П.Я. Гальперин), или – мыследеятельность (Г.П. Щедровицкий); деятельность плюс сознание – итог – един-

ство сознания и деятельности (С.Л. Рубинштейн) и т. д. и т. п.» [4: 84]. Мы согласны с В.П. Зинченко в том, что отдельные экзистенциалы человека скорее вводились в онтологию деятельностного подхода, а не выводились из нее. Однако мы считаем, что в концепции С.Л. Рубинштейна уже была намечена и экзистенциальная перспектива деятельностного подхода.

Проблема человека в философии предстает не как проблема субъекта познания, а как проблема деятельностного способа существования человека в соотношении с его бытием. «Решение этой проблемы направлено против отчуждения как человека от бытия, так и бытия от человека» [6: 258]. Если в философском учении о бытии выпадает человек и бытие сводится к его материальности или к миру вещей, то «бытие человека, способ общественного бытия, история – деонтологизируются, выключаются из бытия в силу равенства: бытие = природа = материя» [Там же: 259]. Аргументами против деонтологизации бытия человека, на наш взгляд, могут быть: «вхождение» человека внутрь бытия при наличии объективного отношения человека с миром и обоснование субъектности бытия. Иначе и субъектность человека не будет обоснована и, тем более, его способность преобразования природы, присущая только высшему ее существу.

С.Л. Рубинштейн считает, что такие понятия, как бытие, субстанция, материя выражают свои философские смыслы, что понятие «бытие» необходимо выражает утверждение осознающего субъекта в бытии, что понятие материи необходимо выражает аспект субстанции. «Для того, чтобы понять и правильно соотнести сознание (человека как субъекта познания) и материю в качестве объективной реальности, существующей «вне и независимо от сознания», необходимо, значит, обратить-

ся к категории бытия, сущего и, раскрыв его состав, включающий как материю, так и сознание человека, вскрыть их соотношения внутри бытия» [6: 302]. Но соотносить их правильно внутри бытия без обоснования субъектности бытия и перевода материи в статус предиката, то есть объективной реальности, открывающейся в познании человека, невозможно. «Бытие и материя могут быть рассмотрены как субъект и как предикат» [Там же: 302]. Этому мешают наши представления о соотношении внешнего и внутреннего, устойчивого и изменчивого. Надо преодолеть «противопоставление изменчивого и находящегося во вне его (!) устойчивого (субстанции за вещами, идеи над ними и т. д.), надо рассмотреть материю как предикат, материальный мир, материальное бытие в статусе бытия, существования» [Там же: 299]. Материя, материальный мир как сопротивляющийся «материал практической деятельности человека имеют своим коррелятом не идеи, не сознание, а человека как деятельное существо» [Там же: 303]. Здесь мы усматриваем указание направления научного поиска, указание на решение основных философских вопросов посредством анализа бытия человека.

Если же в философии в учении о познании человек выпадает из бытия и гносеологическое отношение предстает как отношение сознания, мышления к бытию, то устанавливается «ложность равенства человек = субъект = субъективность = кажимость, на основе которого производится философское изничтожение бытия» [Там же: 330]. Аргументами против деонтологизации бытия в учении о познании (или гносеологизации бытия) должны быть не только вхождение сознания, мышления внутри бытия и наличие гносеологического отношения внутри бытия, но и обоснование методов и принципов познания в

качестве характеристик субъектности бытия человека. Иначе субъектность бытия человека не будет опосредована сознанием, мышлением, тем более не будет обоснована возможность всеобщности и универсальности преобразующей деятельности человека.

И действительно, логическое развертывание поиска приводит С.Л. Рубинштейна к антропологическому методу и принципу Л. Фейербаха, к единству одного человека с другим, хотя автор и не проводит анализа его позиции. Так, антропологический метод у С.Л. Рубинштейна представлен в следующей его позиции: «Определение природы и других способов существования (например, мира) может быть понято только через человека. Соотношение природы и другого статуса бытия – “фабрикуемого” предметного мира, создаваемого человеком из материала природы, – может быть понято только через способ существования человека» [Там же: 259]. Деонтологизация и гносеологизация бытия человека не дают возможности стать в философии именно человеку «отправной точкой всей системы координат» в познании и преобразовании природы. Но специфика бытия человека не может быть раскрыта без открытых Л. Фейербахом антропологического метода и антропологического принципа.

С.Л. Рубинштейн, также как и Л. Фейербах, обращается к зеркальности другого человека. Бытие человека считается не только специфическим объектом, включающим и субъекта, но и включает в себя «другой субъект – «зеркало», которое отражает и то, что я воспринял, и меня самого. Для человека другой человек – зеркало, выразитель его «Человечности». То же для другого человека мое «я» [Там же: 259]. Специфика бытия человека – в наличии как минимум двух людей, в отноше-

ниях которых происходит не только отличие себя от другого, но и утверждение отношений друг к другу как отношений внутри бытия, не считаться с которыми человек не может ни в познании, ни в общении, ни в предметной деятельности. «Мое отношение к другому предполагает и его отношение ко мне: “я” такой же другой для того, которого я сперва обозначил как другого, и он такой же “я” (исходная точка системы координат), как “я” [Там же: 335]. Через вещи, через отношения к предметам деятельности тоже осуществляются взаимоотношения между людьми. Поэтому само предметное действие должно быть включено в бытие человека как необходимое и существенное звено. Обновление предмета действия есть и обновление самого человека.

Бытие человека С.Л. Рубинштейн пытается сформировать как самодостаточное целое, способное к саморазвитию. Для такого понимания его позиции и направленности анализа, мы считаем, вполне достаточно оснований. Но из этого несомненно-го достоинства в научном поиске теоретического конструкта, инварианта бытия человека следует и жесткое требование – применение его к описанию социальных процессов, применение к самому бытию. Только в процессах развития бытия человека можно увидеть механизмы самодостаточности и саморазвития его целостности.

Восхождение от сущности к существованию начинается уже с определения их взаимосвязи в самом бытии человека. «В связи с необходимостью расчленять понятия “сущность” и “существование” следовало бы для всего сущего, а не только для человека определить сущность как способ существования» [Там же: 275]. С возникновением человека возникает и другой способ существования. Возникает специфика во внутреннем самоопределении и в само-

детерминации бытия человека, в отношениях с условиями и обстоятельствами. Наибольшее внимание исследователей по вопросу специфики человеческого существования привлекает диалектика внешнего и внутреннего, устойчивого и изменчивого.

Общий принцип решения взаимосвязи внешнего и внутреннего сформирован автором еще в «Бытии и сознании», и он заключается в соотношении самоопределения и зависимости от другого: внешние условия не прямо и непосредственно определяют конечный результат, а преломляясь через действие внутренних условий, реализуют собственную природу данного явления. В работе «Человек и мир» автор вновь возвращается к этому принципу: «Специфика человеческого существования заключается в мире самоопределения и определения другим. (В специфическом характере самоопределения в связи с наличием у человека сознания)» [Там же: 280]. Именно в сущности как способе существования автор и усматривает внутреннюю основу изменения явлений в процессе его взаимодействия с другим, именно сущность выступает как устойчивое в явлениях, как опосредующее звено всех этапов процесса изменения явления. «Сущность – это специфическое преобразование внешних воздействий, их преломление определенным образом» [Там же: 282].

В бытии человека в преломлении внешних воздействий несомненно участвует сознание. А поскольку само содержание сознания определяется содержанием отношения одного человека к другому и через другого по поводу предмета действий, постольку сознание каждого отдельного человека существует как общественно обусловленное общение. «Выход за пределы ситуации осуществляется через сознание» [Там же: 345]. Во внешнем воз-

действии процесс изменения начинается, затем преобразуется через сущность бытия и завершается в сознании. Обратный процесс от сознания к преобразованию бытия и предметному действию автор практически не представляет, хотя он в отсутствии обратной зависимости бытия людей от их сознания видит односторонность концепции К. Маркса в рукописях 1844 г. [7: 66].

Когда Л.С. Рубинштейн рассматривает субъектность человека, им выделяются два основных способа существования человека. Первый – жизнь в пределах непосредственных связей человека с другими людьми, с отдельными явлениями. «Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее. Это решающий, поворотный момент. Здесь кончается первый способ существования» [6: 351]. Рефлексия обеспечивает разрыв непосредственных связей жизни и создает новые внутренние условия бытия человека, позволяющие занять позицию над ситуацией, выработать общее отношение к жизни. «От такого обобщенного, итогового отношения к жизни зависит и поведение субъекта в любой ситуации, в которой он находится, и степень зависимости его от этой ситуации или свободы в ней» [Там же: 352]. Выступая против сведения человека к сознанию, мышлению, против первичности отношения сознание – бытие, автор именно в сознании, мышлении находит и источник выхода за пределы наличной ситуации, и завершение преломления внешних воздействий на внутренние условия, причины, основания, структуры. И, несмотря на это, мы считаем, что именно С.Л. Рубинштейн сделал тот шаг в поиске

деятельностного бытия человека, который помогает восстановить интерес философов, педагогов и психологов к изучению индивидуального уровня деятельностного бытия человека.

Ни вещь или опредмеченная деятельность, а индивиды являются началом и концом деятельностного цикла сбывания, они замыкают целостность деятельности в обновлении их общего предмета деятельности. Процесс деятельности и есть процесс обновления индивидов, можно сказать, что это один и тот же циклический процесс, но дело усложняется двойкой направленностью опредмечивания деятельности – как в продуктах деятельности, так и в самих индивидах. Условия и предметное содержание, которые рождаются и в ходе деятельностного процесса, тоже «подчинены» живой деятельности индивидов и опредмечиваются в них. Каждый индивид является носителем одновременно опредмеченной и живой деятельности. И опредмеченная деятельность в индивидах, и опредмеченная деятельность в условиях и средствах деятельности, и предметы (объекты) деятельности «подчинены» живой деятельности индивидов *в процессе их деятельностного бытия* как со-бытия.

Предмет – это источник ответного смысла и слова, чувства и действия. Предмет – это *создание осмысленной ситуации со-участия* по поводу сделанного предметного изменения; это смысловой посредник в пространстве со-бытия многих людей. Именно предмет «говорит» об авторе и вопрошает ответного смысла от другого, который как со-участник, *со-автор* предметного пространства со-бытия домысливает, дорабатывает, дополняет, отрицает... В пространстве со-бытия «предмет от меня» создает у другого ситуацию со-отношения его смыслов, чувств, действий

с теми, что содержит в себе этот предметный посыл. А ответ другого, также предметно выраженный, создает ситуацию соучастия и со-отношения для меня. В деятельностном со-бытии предметные действия являются необходимыми, но недостаточными для развития индивидов.

Здесь уместно привести важный вопрос Семена Франка, который им поставлен в последней его работе, опубликованной в 1949 году и известной нам в последнее время после опубликования в 2007 году. Вопрос звучит так: «...в какой мере выходение за пределы моего “я” и пребывание внутри него или обладание им самим имеют в последнем счете тождественную природу?» [8: 57]. С. Франк настаивает на ошибочности идей всякого индивидуализма, он утверждает наличие сверхвременного единства реальности «во мне» и «вне меня». Трансцендирование и есть выход за пределы себя как чего-то ограниченного. «Сознавать или иметь границу и выходить за нее означает здесь одно и то же» [Там же: 118]. Но выход за пределы самого себя это выход к чему? Ответ такой: «...мы сполна открыты только себе самим – и Богу» [Там же: 118]. Тогда сверхиндивидуальная основа индивидуального бытия совершенно очевидна. «Она есть то всеобъемлющее и всепронизывающее единство бытия вообще, соучастие в котором конституирует все частно сущее...» [Там же: 60].

Несмотря на получение ответа в решении сложного вопроса при помощи идеи Бога и в рамках сознания, Франк настаивает на активном соучастии человека

в создании своего субъектного бытия. «Бытие самого субъекта не “субъективно”; не принадлежа к составу объективной действительности, оно остается подлинной, в известном смысле самодовлеющей, прочно утвержденной *первичной реальностью*. Эта реальность гораздо более полновесна и значительна, чем объективная действительность» [Там же: 45]. Обоснование наличия первичной реальности важно для Франка в его метафизике потому, что она позволяет сохранить каждому человеку свое «я» на индивидуальной основе. Идея «индивидуальности» человека не исчезает, а усиливается субъектной активностью, соучастием в метафизическом слое бытия человека. «Мы сами есть то, что мы творим в себе» [Там же: 146]. Можно сделать важный для нас вывод о том, что тождество природы пребывания человека «вне» и «внутри» себя достигается, по существу, на основе как субъектности первичной реальности, так и субъектности самого человека в этой первичной реальности.

Индивидуальное бытие как со-бытие, на наш взгляд, и есть та «первичная реальность» С. Франка, которая обеспечивает идентификацию себя и других в своем пространстве и времени, которая сохраняет и развивает относительное тождество внутреннего и внешнего мира индивидуальности в процессах ее сбывания. Не индивидуальности человека противостоит социальная среда и социальное пространство, а индивидуальное бытие как со-бытие опосредует все «внешние» воздействия на индивидуальность.

Индивидуальное бытие как со-бытие (индивидуальность человека)	Социум Культура Система знаний Педагогические условия	Социальная среда Культурная среда Информационная среда Развивающая среда	Социальное пространство Культурное пространство Информационное пространство Образовательное пространство
---	--	---	---

Индивидуальное бытие как со-бытие опосредует внешние воздействия, включая

и отражательно-познавательные, и обосновывает вариативное многообразие ре-

зультатов индивидуализации человека – от негативных до позитивных в одной и той же социокультурной среде [9].

Предметы обладают субъектными качествами не сами по себе в субъектно-объектном действии, а только в целостности акта взаимодействия людей. Вне наличия индивидуальностей в этом акте предметы не создают ситуацию со-участия, не порождают со-отношений. Отношение к своему предметному удвоению и, одновременно, к предметному удвоению другого и есть *порождение со-отношения в предметном со-действии*. Носителями смыслов являются не тексты, не предметы, не вещи сами по себе, а носителем смыслов является человек в опосредованном ими взаимодействии с другими людьми в со-отношениях своего деятельностного сбытия в целостности индивидуального бытия как со-бытия.

Таким образом, развитие субъектности каждого человека не может быть осуществлено без взаимодействия: со смыслами социума, с субъектностью другого в со-

бытии, реализацией своей субъектности по поводу предметного содержания (материала). *Диалог и диалогизация четырех «субъектов» есть необходимое условие циклов деятельностного сбытия в целостности со-бытия*. Потенциал субъектности в процессе смыслообразования и смыслореализации поддерживает устойчивость и баланс со-ответствия на основе доминанты «для другого» внутри со-бытия. И уже в процессе самореализации каждая индивидуальность делает собственный выбор способов и средств достижения собственных целей и реализации собственных смысловых предпочтений. Экзистенциалы человека *выводятся* из циклов со-отношений его деятельностного сбытия в целостности индивидуального бытия как со-бытия.

В онтологии деятельностного подхода концепции А.Н. Леонтьева, Г.С. Батищева, С.Л. Рубинштейна, Э.В. Ильенкова обретают смысл необходимых этапов становления его со-бытийной перспективы как в философии, так и в психологии и педагогике.

Библиографический список

1. Лекторский, В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2001. – № 2.
2. Маркс, К., Энгельс, Ф. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1956.
3. Ильенков Э.В. Философия и культура / Э.В. Ильенков. – М., 1991.
4. Зинченко В.П. Психологическая теория деятельности («воспоминания о будущем») / В.П. Зинченко // Вопросы философии. – 2001. – № 2.
5. Деятельность: теория, методология, проблемы. – М., 1990.
6. Рубинштейн С. Л. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. – М. : Педагогика, 1973.
7. Рубинштейн С.Л. О философских основах психологии. (Ранние рукописи К. Маркса и проблемы психологии) / С.Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. – М. : Педагогика, 1973.
8. Франк С.Л. Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия / С.Л. Франк. – М. : Хранитель, 2007.
9. Герт В.А. Субъектность индивидуального бытия человека / В.А. Герт // Научное издание. УрГПУ., 2012. – 172 с.

Статью рекомендует докт. пед. наук, проф. Казаева Е.А.